

СУБЪЕКТЫ МОРАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: О ТИПАХ КОЛЛЕКТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Анализируется идея коллективной ответственности, формирование дискурса которой начинается в середине XX в.; описывается общетеоретическая ситуация, связанная с использованием данной формы ответственности; эксплицируются основные типы коллективной ответственности.

Ключевые слова: индивидуальная; коллективная; заместительная; корпоративная; солидарная концепции ответственности; совесть; вина; стыд.

Нравственная практика сегодня претерпевает определенные изменения, возникающие вследствие формирования глобального общества. Этические вопросы и проблемы в изменяющихся условиях приобретают иной контекст осмысления. Крайне актуальными в настоящий момент становятся попытки создания более или менее последовательных систематизированных концептуальных предпосылок для описания и объяснения механизмов принятия моральной ответственности коллективами, выявление общетеоретических оснований концепции коллективной ответственности.

Данная задача усложняется определенной самоочевидностью понятия, отсутствие философского интереса к теме ответственности вплоть до XIX в. свидетельствует о периферийном и соподчиненном характере этического понятия в философских исследованиях. Философская «заброшенность» темы ответственности как таковая имеет ряд причин: прежде всего, ответственность существовала в связке с главной нравственной категорией – свободой, отсюда ее вторичный характер в социально-этических вопросах. Однако говорить об отсутствии какой-либо рефлексии феномена ответственности в историко-философской традиции в целом не приходится.

В западноевропейской культуре сложилась парадигма индивидуального личностного долженствования, формирование которого начинается в философии Аристотеля, отмечавшего, что человек способен обладать и развивать в себе нравственные качества, а потому должен быть ответственным за совершенные поступки, к тому же любое действие является свободным, если оно осуществляется не под давлением или насилием [1. С. 92. 1114а].

Таким образом, условиями ответственности являются знание ситуации, вменяемость субъекта и его свободный выбор. Ответственность – это «личностное преломление абстрактного долга» [2], и основанием выбора личности является ее способность избирательно и сознательно воздействовать на окружающую действительность с учетом возможных последствий своих действий, правильно понимать нужды как других людей, так и свои собственные. Чувство ответственности, которое она испытывает, предполагает переживание своей значимости, реального влияния на положение дел, ощущение определенной власти над происходящими событиями и соответствующего уважительного отношения людей. Второй момент, связанный с отсутствием прямого интереса к теме ответственности, вы-

ражается в том, что в предшествующие эпохи проблемы атрибуции поступка не существовало. Последствия действий были очевидны и предсказуемы, не требовалось выстраивать сложную схему атрибуции ответственности, ее простота обеспечивалась ближним кругом взаимодействия людей. Дальнодействие в человеческой практике не имело места быть.

Универсум был статичен, человек рождался при одном порядке и умирал, ничто не нарушало констант человеческого бытия. Несмотря на то что моральные императивы были сформулированы как некие вечные и неизменные принципы, все же они были достаточно конкретны и действовали в тех узких пространственно-временных отрезках человеческой жизни. Оценка последствий осуществлялась по факту, что говорит о ретроспективном характере индивидуальной ответственности, где моральными санкциями выступают совесть, стыд, вина, моральное осуждение со стороны других. Помимо ретроспективного измерения в характеристике ответственности, также выделяется и проспективный аспект, т.е. принятие ответственности «до» наступления результата, или, по словам А.В. Прокофьева, «это нравственная обязанность заботы и попечения до и в ходе ее исполнения» [2. С. 30].

Прспективный характер в индивидуальной ответственности не имеет особого значения, поскольку субъект способен ответить только за то, что в состоянии предвидеть или контролировать. Четкая пространственно-временная локализация сферы моральных принципов обеспечивалась онтологическими, гносеологическими, аксиологическими представлениями человека о самом себе и своем месте в мире. Коррелятивный характер свободы и ответственности указывает на ту степень свободы, которая соразмерна для отдельной личности.

Однако с расширением человеческой практики, увеличение власти человека над природным миром, да и собственной природой, ростом знаний – все это привело, по словам Г. Йонаса, к тому, что ответственность становится доминирующей в исследованиях, интерпретируемая как принцип отношений, как моральный императив деятельности современного человека [3]. Еще раньше М. Вебер формулирует две этические модели, построенные на принципах убеждения и ответственности, а отсюда – этика убеждения, идущая от И. Канта, и этика ответственности. Через призму этики ответственности М. Вебер впервые акцентирует внимание не на мотивах поступка, как это было характерно для эти-

ки убеждения И. Канта, а на последствиях, особенно в области политической деятельности [4].

Сегодня ответственность в рамках сложноорганизованной коллективной практики приобретает особую актуальность в исследовательских дискуссиях, где акцент смещается на новые формы ответственности, а именно коллективные. Сама идея коллективного принятия ответственности вызывает неоднозначные отзывы, позиции, оценки, и в отношении данной идеи нет устоявшихся дефиниций. В синонимичном контексте употребляются понятия «корпоративная ответственность», «групповая», «солидарная» «институциональная», «метаинституциональная» и т.п. Существование поливариантной терминологии свидетельствует о рефлексии в отношении коллективной деятельности и попыток найти для нее адекватные формы ответственности, однако наличие множества теоретически разрозненных проектов не позволяет представить данную идею как ясную и отчетливую. Помимо сказанного, идея коллективной ответственности имеет ряд негативных ассоциаций, которые, согласно А.В. Прокофьеву, порождены определенными историко-культурными контекстами, такими как «племенная мораль и представления о наследственной вине, также оперирование концепцией коллективного вменения в идеологиях реакционного традиционализма, террористического революционизма, тоталитаризма» [5. С. 75].

Все же продолжая поиск эффективных методов анализа, способствующих качественному улучшению наших знаний о коллективной ответственности сегодня, это позволило бы понять условия реализации и принятия моральной ответственности коллективами. К сожалению, работ, описывающих подобные механизмы, катастрофически не хватает. Сложность анализа состоит в том, что дискуссии о коллективной ответственности поляризуются между теми, кто признает ее как вполне обоснованную и имеющую место идею, и теми, кто отрицает за ней какое-либо значение. В последнем случае основанием для критики выступает позиция методологического индивидуализма, сформулированного в философии М. Вебера, согласно которому любое социальное явление или групповое действие может быть редуцировано до индивидуального, что приводит к бессмысленности такого дискурса. К тому же само понятие ответственности носит личностный, строго индивидуализированный момент должностования, а в случае коллективного действия и ответственности происходит ее сужение или исчезновения: «...угрызения совести индивида стихают, – говорит В. Хесле, – если он принимает участие в действиях, за которые он не несет единоличной ответственности» [6. С. 102].

Ткань современной социальной жизни такова, что индивидуальное действие в условиях сложноорганизованной коллективной практики «растворяется» во множестве других действий, где выявить конкретного «виновника» порой не представляется возможным. Всевозрастающая опосредованность между действиями и последствиями приводит к утрате классического автономно-действующего субъекта ответственности, а у субъекта – к потере чувства ответственности, основанного на корреляции его нравственных чувств и способ-

ности предвидеть последствия своих действий. Сегодня даже если человек и способен представить, что его образ жизни, деятельность являются причиной негативных отдаленных в пространстве и времени последствий, он не в состоянии испытать эту ответственность, поскольку она эмоционально ему чужда. Организованная коллективная деятельность расширяет пространство действий и последствий, за которые единичный субъект не может нести какой-либо моральной ответственности, и это, по словам А.В. Прокофьева, приводит к тому, что коллективная деятельность ускользает от морально-нравственного регулирования, а индивидуальная ответственность порождает обширные зоны безответственности [2].

Очевидно, необходимы формы ответственности, где бы эксплицировалась специфика коллективных субъектов и индивидуальной ответственности в рамках коллективной деятельности или социального бытия, что позволило бы преодолеть сложившиеся противоречия между индивидуальной и коллективной ответственностью, найти основания для их согласования. Решение же этих задач осуществляется в рамках нескольких исследовательских проектов, которые могут быть обозначены как «заместительный», «корпоративный» и «солидарный».

Понятие «заместительной» (vicarious), или групповой, ответственности в современном отечественном дискурсе не является устоявшимся, в отличие от западной традиции, где данная форма должностования эксплицируется в связи с понятиями вины, справедливости и покаяния больших групп, таких как народ, государство, государственные и социальные институты, профессиональные организации. В целом речь идет об ответственности индивида за деятельность и последствия действий, совершенных другими лицами, и основанием такой ответственности выступает групповая принадлежность человека. Группа, по словам А.В. Прокофьева, может быть определена весьма широко «...как организация или построенное на личном общении объединение, так и неорганизованная совокупность не знающих друг друга людей, задействованных в функционировании одного и того же института, разделяющих определенные убеждения, наконец, принадлежащие к определенной нации или культурной традиции» [5. С. 80].

К. Ясперс обратил внимание на тему ответственности и вины народа за преступления общечеловеческого характера в работе «Вопрос о виновности: О политической ответственности Германии» [7]. Разговор о вине немецкого народа, конечно, не нашел широкой поддержки среди соотечественников, однако ее обсуждение имело важные социально-политические следствия. Вопрос об ответственности народа за преступления, которые он физически не совершал, а только отдельные его представители, был крайне важен для понимания механизмов коллективного покаяния больших групп. К тому же из уст Ясперса как человека, имевшего мужество не поддерживать фашистский режим, тема покаяния народа не была декларативной.

Рассуждая об ответственности немецкой нации, Ясперс обращается к понятию вины, выделяя ее формы, такие как уголовная, политическая, моральная и метафизическая. Особое внимание философ уделяет

понятию моральной вины, апеллирующему к совести как к инстанции ответственности, перед которой человек виновен, в том числе за те ценности, и взгляды, что разделяет он с другими. Если уголовная вина устанавливается судом, а политическая – победителями, т.е. определяется внешними инстанциями, то моральная вина характеризует внутреннюю составляющую личности. Ответственность перед совестью шире и глубже, она всеохватывающая и тотальная. Физическое неучастие в тех или иных действиях не создает алиби для индивида. «Мыслепринадлежность» к той или иной группе делает субъекта морально ответственным за тот вред, который причиняют другие. Иное дело обстоит с метафизической виной, где человек не способен реально что-то изменить в условиях безусловного зла, и здесь единственной инстанцией, перед которой он может держать ответ, является Бог.

В целом вопрос о виновности народа весьма расплывчат, поскольку известно, что где виновны все, по факту невиновен никто. Опять же данный тезис возвращает нас к этике индивидуального поступка, когда простое приписывание ответственности группе действительно приводит к ее исчезновению. Однако Ясперсу было важно показать, что коллективная ответственность не снимает индивидуальных мук совести. Ни физическое участие человека в тех или иных действиях делает его виновником, а символическое, которое может выражаться в том, что индивид разделяет определенные взгляды и убеждения наряду с другими, и эти преференции превращаются в некоторые устойчивые формы деятельности, и те, в свою очередь, порождают определенные последствия. В этом смысле переживание вины за Другого становится преобразующей силой и основой для принятия коллективной ответственности.

Заместительная ответственность не устраняет индивида как субъекта, скорее наоборот, усиливает его значение, расширяет сферу индивидуальной ответственности. Отныне индивид хотя и не находится в причинной связи между действием и результатом, однако его ценности и предпочтения являются выражением группового мировоззрения, а следовательно, как представитель этой группы он принимает моральную ответственность за действия других.

Заместительная ответственность как форма коллективной ответственности сегодня имеет достаточные основания для ее реализации. Для конкретного человека решения коллективного субъекта оказываются предметом его личной ответственности и заботы, поскольку он сам на основании собственных выбора, ценностей и предпочтений участвует в тех или иных организациях, социальных группах. Концепция заместительной ответственности требует отдельного осмысления и тщательного анализа всех ее составляющих: субъекта, объекта, инстанции. Да к тому же здесь затрагиваются темы покаяния народа, признания своих исторических ошибок, «расплаты» за преступления тех, кто физически не мог разделять убеждения только потому, что еще не был рожден.

Иной подход к коллективной ответственности складывается во второй половине XX в., формирование которого связано с деятельностью таких организаций, как бизнес корпорации, отсюда название «корпоративная ответственность».

Влияние коллективных конгломерат образований стало весьма ощутимым в жизни общества. Как правило, целью компаний было и есть получение прибыли, расширение рынков сбыта, покупка месторождений (угля, нефти, газа). Деятельность крупных организационных субъектов способна оказывать влияние на жизнь небольших государств. В случае негативных последствий, которые существенным образом могут влиять на разные сферы социальной жизни, вопрос об ответственности таких субъектов оказался крайне актуален. (бхопальская техногенная катастрофа 1984 г., произошедшая на химическом заводе компании Union Carbide или деятельность ВР в Мексиканском заливе, приведшая к главной нефтяной катастрофе начала XX в.).

Существуют ли механизмы контроля, привлечения к ответственности за подобный причиненный вред? Безусловно, уголовные, административные формы ответственности применимы в отношении таких коллективных субъектов, однако формальное принятие ответственности оказывается неэффективным: уход в отставку, минимальные компенсации.

Очевидно, что простое одобрение или порицание – это не тот способ, чтобы контролировать деятельность таких субъектов. Корпорации состоят из людей, в то же время – это единый целостный организм, действия которого выходят за пределы индивидуального решения. Впервые вопрос о моральном статусе корпораций был сформулирован К. Гудпастером и Дж. Мьютьюзом в статье «Может ли корпорация иметь совесть?» [8]. Проанализировав индивидуальную ответственность, они выделили ее казуальный вариант – это конкретная ответственность, которую индивид выполняет в обществе. Последний вариант – это ответственность, интерпретируемая как процесс принятия решения, где ее составляющими являются рациональность и уважение к окружающим. Именно рациональность и уважение становятся основанием моральной ответственности индивида. Выявив главные особенности индивидуальной ответственности, авторы пришли к выводу о том, что корпорации вполне обладают необходимым набором качеств как субъекты нравственного вменения. Отсюда нет препятствий рассматривать корпорации субъектами моральной ответственности. Наличие принципов рациональности и уважительного отношения к другим субъектам не решает вопрос о механизмах реализации моральной ответственности этими структурами. Может ли данный субъект по аналогии с индивидом испытывать чувство стыда, вины? К сожалению, в рамках данного подхода механизмы принятия ответственности неясны.

Главная идея, которой противоречит коллективная ответственность, – это понятие личности. Осознав причину затруднений, П. Френч предлагает отказаться от антропологического ее понимания. В статье «Корпорация как субъект морали» [9] он переформулирует классическое понятие личности, фиксируя, что это некий субъект, способный намеренно действовать, анализировать свою деятельность, особенно негативные результаты прошлого опыта, принимать во внимание интересы других субъектов. Следуя этому определению, корпорации и иные организации вполне соответствуют понятию личности, а следовательно, они способны

быть субъектами нравственной ответственности. Таким образом, тот изначально негативный смысл коллективной ответственности, связанный с ее анонимностью, механизмами обезличивания в проекте П. Френча, получает положительную оценку. Исчезновение классического понятия личности осуществляется путем введения особого образования «внутренней корпоративной структуры принятия решения» (corporations internal decision-making structure – CID). Структура, существующая внутри корпорации, – это механизм, позволяющий вести речь о «коллективной интенциональности» по аналогии с индивидуальной, т.е. группа способна иметь намерения, так же как индивид.

Структура CID состоит из элементов самой организационной структуры компании, которая, в свою очередь, задает уровни распределения ответственности внутри коллектива. Второй уровень связан с правилами признания принимаемых решений, которые встроены в корпоративную политику компании. Как было отмечено, Френч деиндивидуализирует решения: «Решения корпорации тесно привязаны к прошлому опыту корпоративной деятельности, – отмечает А.В. Прокофьев, – и не могут рассматриваться всего лишь как продукт индивидуальных членов совета директоров, поскольку вся процедура принятия решения глубоко институционализирована и в значительной мере деиндивидуализирована» [5. С. 79].

Наличие подобных структур позволяет принимать моральную ответственность в организованных группах, и, таким образом, становится несущественным вопрос, кто же принимает решение – одно лицо или группа? Однако, очевидно, что такие структуры внутри коллективов должны иметь демократические формы организации: публичное обсуждение той или иной проблемы, учет разных точек зрения и позиций, широкое общественное освещение различных аспектов того ли иного проекта. В противном случае отсутствие в организации подобных демократических структур не решает вопроса о моральной ответственности коллективов. В целом в западной традиции модель Френча была дополнена принципами гласности, публичности в исследованиях Н. Ришера [10] и А. Корлетта [11]. Поскольку организации имеют разные цели и стратегии развития, то, безусловно, они могут быть построены как иерархически, так и на основании демократических процедур, в частности, А.В. Прокофьев анализирует эту ситуацию.

Однако каковы же социальные механизмы принятия моральной ответственности такими субъектами, возможна ли апелляция к совести или иным способам воздействия? Прокофьев указывает, что совесть – это сфера сугубо приватная, личная и вряд ли она может быть приписана неким надличностным образованиям, таким как корпорации. Поскольку корпорации имеют некие прагматические цели деятельности, связанные с укреплением собственных позиций на рынке, продвижением товаров и услуг, то для таких субъектов немаловажными оказываются понятия доверия, уважения, партнерство. Апелляция к вине для таких субъектов, точнее структур, которые обеспечивают механизмы принятия ответственности, не имеет нравственного смысла, поскольку структуры надличностны, а совесть личностна. Прокофьев считает, что апелляция к стыду, а не к вине

оказывается наиболее эффективным способом принятия ответственности данным типом коллективного субъекта. Именно через стыд, полагает исследователь, корпорация имеет шанс утратить доверие партнеров. Стыд – это сложная морально-этическая категория, требующая отдельных экспликаций как для индивидуальных субъектов морали, так и в отношении коллективных субъектов [2].

Следующий тип коллективной ответственности, который тематизируется как солидарная или метаинституциональная ответственность, представлена в основном в трудах Г. Йонаса [3] и К.-О. Апеля [12]. Данный тип коллективной ответственности в качестве ее субъекта рассматривает все человечество. Действия многих лиц или групп могут лежать в пределах допустимых норм, однако способны приводить к кумулятивным и синергетическим эффектам с вредными последствиями. Примером тому является умирание лесов, связанное с загрязнением атмосферы и почвы. Ни одному лицу и ни одной организации в отдельности не может быть вменена ответственность за это. Вследствие этого индивидуальная ответственность минимизируется либо вовсе исключается, тогда вопрос приходится ставить об ответственности системы, человечества в целом. Однако человечество как субъект – это достаточно аморфное образование, состоящее как из организованных, так и не организованных групп. К тому же возникновение новых процессов в мире, таких как глобализация, ставит вопрос о такой форме коллективной ответственности, где насущной этической проблемой становится утрата обществами былой локальности. В рамках глобализации человечество приобретает единую перспективу жизненного мира.

Начинается данный вид ответственности с того, что некто принимает на себя моральную обязанность за ту или иную ситуацию, проблему, решение которой требует совместного участия других людей, коллективов, социальных институтов. Солидарная ответственность имеет общечеловеческий характер, она накладывается поверх разных типов ответственности: ролевой, институциональной, корпоративной.

Данный тип коллективной ответственности достаточно эффективно может быть использован в экологическом движении.

Предпосылкой коллективной ответственности у Апеля является возможность вести аргументированный диалог: «Я аргументирую, следовательно, Я состою в неограниченном сообществе». Из этого следует, что все конфликты должны быть разрешимы практически дискурсами, где представлены интересы всех людей, в том числе будущих поколений. Безусловно, последствия принимаемых нами решений должны быть приемлемы. Субъект не должен отказываться от собственных интересов, но он должен отказаться от стратегических средств реализации этих интересов, поскольку они могут быть связаны с подавлением интереса другого. Следовательно, трансцендентальная ответственность связана с достижением компетентности в языковом диалоге, со стремлением к такому знанию, которое было бы принято идеальным коммуникативным сообществом, тогда как прагматическая ответственность предполагает практическую проверку полу-

ченного трансцендентального знания и его осуществления. В рамках философии Апеля долг обосновывается как забота о сохранении реальной коммуникативной общности, как условие возможности идеальной коммуникативной общности. Однако к чему может апеллировать такой тип коллективной ответственности – к вине, совести, стыду человечества как субъекта ответственности? Очевидно, что ни совесть, ни вина не могут быть основаниями для принятия такой ответственности. Философы, в частности Г. Йонас, рассматривают страх как механизм реализации ответственности. Йонас пытается выстроить механизм принятия ответственности, обозначенный им как «эвристика страха». Ответственность есть обязанность и забота об ином существовании, где страх обнаруживается в ситуации, когда мы вопрошаем о том, что произойдет, если не позаботиться. Чем менее ясен ответ, тем ярче вырисовывается ответственность.

Эвристическая функция страха объясняется следующим образом: в предшествующей этической традиции страх имеет негативный смысл; сохраняя это положение, Йонас стремится придать ему иную коннотацию: страх это то, чего мы хотим избежать, то, что угрожает будущему человечества, его самосохранению. Страх – предмет духовного долга, это, наконец, политическое крайнее средство там, где ответственность слишком слаба [3].

Оценивая возможные последствия какого-либо действия, следует принимать во внимание не столько те блага, к которым оно может привести, сколько то зло, которое оно может повлечь за собой; человечество отныне не может рисковать, когда на карту поставлено его существование, таким образом, страх становится регулятивным принципом, источником должностования: «При таком состоянии дел первой, предварительной

обязанностью... оказывается сознательное вызывание в себе самоотверженного страха, через который вместе со злом выявляется благо... а значит, обязанностью делается сама способность испытывать испуг» [4. С. 364].

«Эвристика страха» – неоднозначный и противоречиво оцениваемый концепт в литературе. С одной стороны, исследователи полагают, что она неизбежно приведет к отказу от действия (кто сомневается, тот не делает), а в случае ориентации оценки техники на наиболее пессимистические прогнозы – к блокированию развития техники. Эвристика страха – это не отказ от действия, а руководство к действию, поиск наиболее оптимальных вариантов, примером может служить принятый мораторий на генетические исследования (Азилмарская конференция, США, 1975 г.).

С другой стороны, в рамках данного принципа не остается места тривиальному феномену «непредвиденных последствий» человеческих действий. С нашей точки зрения, синергетический и кумулятивный характер развития техники не нейтрализует ситуацию непредвиденных последствий, а наоборот, увеличивает их число. С точки зрения З. Баумана, концепция ответственности Йонаса не релевантна современному обществу: «Никто, кроме душевнобольных, не стал бы всерьез утверждать, что полезно загрязнять атмосферу, дырывать озоновый слой» [13. С. 235].

В целом, подводя итог, можно отметить, что идея возложения ответственности на организации, группы, корпорации – это объективная тенденция, которая произрастает из вышеописанной ситуации, и развернувшаяся полемика, призванная объединить разные уровни проявления нравственного в социуме, свидетельствует о том, что идея коллективной ответственности носит интегрирующий характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Никомахова этика // Этика. М. : АСТ, 2010. 492 с.
2. Прокофьев А.В. Коллективная и совместная ответственность в экологической этике // Этика и экология. Сер. Научные доклады. Новгород, 2010. Вып. 9. С. 26–44.
3. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М. : Айрис-Пресс, 2004. 480 с.
4. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 644–706.
5. Прокофьев А.В. О возможностях реабилитации идеи коллективной ответственности // Вопросы философии. 2004. № 7. С. 73–85.
6. Хесле В. Философия и экология. М. : Наука, 1993. 205 с.
7. Ясперс К. Вопрос о виновности: О политической ответственности Германии. М. : Прогресс, 1999. 145 с.
8. Goodpaster K.E., Matteus J.B. Can a corporation have a conscience? URL: http://www.socialethics.us/images/Can_A_Corporate_Have.pdf (дата обращения: 12.01.13).
9. French P. The corporation as a moral person // American Philosophical Quarterly. 1999. № 16 (3). P. 207–215.
10. Rescher N. Collective responsibility // Journal of Social Philosophy. 1998. Vol. 29, № 3. P. 56.
11. Corlett A. Corporate Responsibility and Punishment // Responsibility and Punishment. Dordrecht : Springer, 2006. P. 171–172.
12. Апель К.-О. Понятие первичной взаимответственности как предпосылка планетарной макроэтики // Философия без границ : сб. ст. : в 2 ч. М. : Издатель Воробьев А.В., 2001. Ч. 1. С. 47–67.
13. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, культурология» 29 марта 2013 г.